ЛИТЕРАТУРА, ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 7.05+7.01 (520)

DOI 10.25205/978-5-4437-1268-0-124-130

Е. Е. Малинина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

ФЕНОМЕН «ПРОЩАЛЬНЫХ СТИХОВ» В ДЗЭНСКОЙ ТРАДИЦИИ

С глубокой древности на Востоке с величайшим уважением и трепетом относились к начертаниям кисти, к написанному слову, которое «и есть сам человек» (*Tanchu Terayama*, 2005. Р.7). В неизмеримо большей степени это относится к *юигэ* — предсмертным строкам, обнажающим, как считалось, саму суть человека. Феномен «прощальных стихов», написанных в последние мгновения жизни, принадлежит к самым волнующим рукописным завещаниям в истории человечества. В статье анализируются отдельные, наиболее репрезентативные, с точки зрения автора, предсмертные строки выдающихся дзэнских наставников, предпринимается попытка исследовать особенность данного феномена, продемонстрировать факт того, что эти последние «следы туши» — отнюдь не произведения искусства, и они не имеют ничего общего с эстетическим опытом. Отсутствие в российском востоковедении исследований на эту тему обеспечивает данной работе определённую значимость и актуальность.

Ключевые слова: буддизм дзэн; традиция; феномен предсмертных стихов; мастер медитации; духовный опыт.

E. E. Malinina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

PHENOMENA OF DEATH POEMS (YUIGE) IN JAPANESE TRADITION

The departing verses (*yuige*), written in the face of death, represent an essential feature of Zen culture and belong among the most moving handwritten testaments in human history. Such *yuige* were expected from every master of meditation. There are not works of art aspiring to a harmony of form and content. These last ink traces do not allow any aesthetic experience of art anymore. They speak not of a play with brush and ink, but of the agonizing struggle with death. Of exclusive importance of these documents is the religious message of the writer, often transformed into Chinese characters with a last, almost su-

per-human effort. In poetic form, and usually in a few lines, the masters of meditation epitomized the sum of their teachings and experiences at the end of their lives to transmit them to their successors and disciples. *Yuige* are thus imbued with an aura of sacrosanctity from the moment of their inception. The author of the article give some representative examples of *yuige* which belong to some famous Japanese religious message. A departing verse was not simply intended to testify to the master's enlightenment, it was producing it and contained, in the literal sense, its "essence". They are important historical documents of a monastery's great succession of abbots.

Keywords: departing verses (*yuige*), master of meditation, enlightenment, important historical document, religious message.

Феномен «прощальных стихов», написанных в последние мгновения жизни, принадлежит к самым волнующим рукописным завещаниям в истории человечества. Эти последние «следы туши» — отнюдь не произведения искусства, взывающие к гармонии формы и содержания, и они не имеют ничего общего с эстетическим опытом, — скорее, это исполненная агонии борьба со смертью. У глубокого и чувствующего человека они вызывают состояние, близкое к шоку и потрясению. Но наибольшую значимость в этих поразительных документах представляет тот факт, что в нескольких поэтических строках, запечатлённых китайскими иероглифами, находит выражение сама суть того духовного опыта, который приобрёл к концу жизни просветлённый мастер. В работах ряда исследователей, которые касаются данной темы (S. Addiss, Brinker H., Hiroshi Kanazawa, Yoel Hoffmann, Янагида Сэйдзан и др.), речь идёт главным образом о прощальных стихах, созданных буддийскими монахами, а также представителями творческой интеллигенции, следующими дзэнской традиции. Предметом нашего изучения являются *юигэ*, принадлежащие выдающимся наставникам и мастерам дзэн, в полной мере заслуживающими право называться «последними» строками. Отсутствие в российском востоковедении исследований на эту тему обеспечивает данной работе определённую значимость и актуальность.

Традиция оставлять «последние слова», исполненные глубокого духовного содержания, восходят к началу VIII века, к имени Шеньсю, патриарху Северного Чань, умершего в Лояне в 709 г. Сидя, как и полагается, в позе медитации, уже будучи на грани жизни и смерти, он взял кисть, чтобы написать три иероглифа: «Склонись», «Прогнись», «Выпрямись» — три слова, означающие три этапа духовного роста мастера, достигнутого за время его земной жизни.

Такого рода «предсмертные строки», свидетельствующие о степени просветлённости сознания, ожидалось от каждого покидающего этот мир мастера медитации. К Средним векам содержание подобных стихов, их поэтическая форма постепенно подвергались всё более строгой регламентации и стандартизации. Более того, традиция создания финальных строк становилась до такой степени ритуализированной, что вызывала порой недовольство со стороны отдельных чаньских мастеров. Юань Юэцинь (1063–1135), например, в конце своей жизни писал:

*Достигнув такого состояния, когда исчерпаны все силы,
к чему мне ещё и стихи сочинять.*

Мне остаётся лишь отдаться на волю обстоятельств.

Прощайте! Прощайте!

Скептицизм мастера по поводу значимости предсмертных «следов туши» разделяли и некоторые другие известные чаньские наставники. Его современник Дахуэй Цзунгао, например, заявил:

Такова жизнь.

Такова смерть.

Есть ли стихи, или нет стихов —

Какая разница.

И всё же несмотря на возрастающую формализацию, *юигэ* являют собой важнейшую составляющую дзэнской культуры. Более того, к XII столетию они оформились в особый жанр дзэнской словесности, выстроенной по канонам, рождённым в Китае: *юигэ* представляют собой, как правило, четверостишие (четыре знака в каждом из четырёх строк). Записать последнее наставление, высказать последнюю волю, находясь в надлежащей для дзэнского мастера позе медитации — с прямой спиной и скрещенными ногами — было делом чести для умирающего наставника, своеобразным вызовом смерти.

Один из крупнейших в Киото дзэнских монастырей Тофукудзи более семи столетий как величайшую святыню хранит в своих стенах предсмертные «следы кисти», оставленные уже слабеющей рукой Энни Бэн'эн* (1202–1280), сыгравшего огромную роль в распространении буддизма дзэн в Японии (Дзэн. Тайё, 1980. Р. 31). Известно, что он был первым из дзэнских наставников в Японии, кого стали называть почётным титулом *кокуси* — национальный Учитель (Сёити *кокуси*). Его *юигэ* — свидетельство невероятных усилий, самообладания умирающего мастера, воплотившего в словах духовный опыт всей своей жизни (рис. 1, 1).

*На протяжении 79-ти лет я старался жить во благо
всех существ на земле, ища способы обрести Освобождение.*

*Тот, кто потокает своим желаниям,
не способен передать дхарму Будд и патриархов.*

Старый настоятель Тофукудзи, 1280

Одним из самых впечатляющих и волнующих из оставленных дзэнскими мастерами документов являются посмертные стихи ученика и последователя Энни Бэн'эна — **Тикоцу Дайэ** (1229–1312), унаследовавшего кресло настоятеля Тофукудзи у своего учителя (рис. 1, 2).

Подними себя до Наивысшего в свих средствах (хобэн) во имя Спасения.

*Продвинься на пути внутренней самореализации,
на пути постижения своей природы.*

Прими со смирением вещи этого мира такими, какими они есть.

Старый Дайэ. 1312 г.

Мастеру исполнилось 84 года, когда он оставил эти строки. Слова его звучат ободряющими и вдохновляющими, однако заметно, что рука уже не поспевает за духом, за мыслью и тем более, за правилами письма. Невероятным усилием воли, с последним дыханием он даёт духовное наставление ученикам. Вертикальные строки шатаются, «плывут», приобретая волнообразную форму, наклоняются то вправо, то влево. Преодолевая боль, дрожащей, неверной рукой мастер выписывает один иероглиф за другим. Уже первая строка, которой надлежало состоять из четырёх знаков, резко прерывается: рука соскальзывает, не оставляя места для написания фундаментального в буддизме понятия *хобэн* (санскр. *упайя* — средства, методы спасения). В результате левая строка заходит на следующую и имеет только три иероглифа, зато вторая строка — пять вместо положенных четырёх. Отдельные знаки, уже с трудом различимые, скорее напоминают петли, некие каракули, пятна, демонстрируя поистине титанические усилия умирающего мастера оставить духовное завещание за секунду до ухода. Посмертно ему был присвоен титул «*Буцу Дзэндзи*» — «Мастер Медитации, достигший буддовости/ благословлённый Буддой».

Тесную связь с монастырём Тофукудзи имеет и **Дайдо Ити'и** (1292–1370), уроженец острова Авадзи. Появившись в столице, он обучался под руководством Кокана Сирэна и по истечению времени был удостоен самого престижного положения в монастырской иерархии Киото: стал 28-м Настоятелем Тофукудзи и 31-м Настоятелем Нандзэндзи. Дайдо Ити'и прославился не только своими духовными достижениями, как Мастер медитации, но и безусловным литературным талантом, как один из выдающихся авторов литературы *годзан* в своё время. Храм Комё-ин монастыря Тофукудзи как величайшее сокровище хранит его «прощальные строки» (рис. 1, 3).

Рис. 1. Предсмертные и посмертные стихи.

- 1 — Энни Бэн'эн (1202–1280). Предсмертные стихи. 1280. Тофукудзи. Киото;
 2 — Тикоцу Дайэ (1229–1312). Предсмертные строки. 1312. Тофукудзи. Киото; 3 —
 Дайдо Ити'и (1292–1370). Посмертные стихи. 1370. Комё-ин. Тофукудзи, Киото;
 4 — Гэссю. Посмертные стихи. 1696. Дайдзёдзи. Киото

*Одинокая песнь не-рождённого (мусё)
 наполняет пустоту (коку) гармонией.
 «Солнечная Весна и Белизна Снега»,
 «Зелёные облака и Чистый Ветер».
 Дайдо Ити'и написал это. 1370 г.*

Напрасно пытаться искать здесь порядок стихотворных строк, уравновешенности в почерке. Они написаны дрожащей рукой и, как сказано американским исследователем, словно опрокинуты «чудовищным шквалом ураганного ветра» (Addiss., 1989. Р. 110). Сама рука, похоже, уже утратила контроль над кистью и способна была воспроизвести лишь некие дрожащие, колеблющиеся знаки, за которыми едва угадываются иероглифы. Эти «следы туши», оставленные Дайдо, говорят уже о предсмертной агонии.

Последние строки стиха рассчитаны на определённые ассоциации у читающего их, ибо хорошо известны знатокам классической китайской поэзии. Образы «Солнечной Весны и Белизны Снега», например, были достаточно популярны в аристократических кругах династии Чу с III века до н.э. и их неоднократно вводили в свои сочинения многие прославленные поэты, литераторы в историческом прошлом Поднебесной.

Если Киото, как сказано в одном англоязычном путеводителе, — это «самое исторически и культурно значимое место в Японии; его духовный, религиозный, эстетический центр, посетить который — значит встретить лучшее, что есть в этой стране», то расположенный здесь

дзэнский монастырь Дайтокудзи (Храм Великой Добродетели), включающий в свои пределы двадцать четыре храма, — это место, дающее наиболее полное представление об истоках и развитии дзэнского мироощущения в духовной жизни японцев.

Судьба монастыря — причудливая и неповторимая, неотделима от судеб людей, связанных с ним: исполнена падений и взлётов, расцвета и забвения... Дайтокудзи был основан в 1326 году одним из самых выдающихся в истории японского дзэн мастеров **Дайто-кокуси** (Национальный Учитель Дайто, 1282–1337), необыкновенная судьба и духовные подвиги которого послужили основой для множества преданий. «Драконом среди людей» назвал его император Ханадзоно в своем личном дневнике, выразив таким образом глубокое впечатление от встречи с Дайто. «С наступлением сумерек меня посетил министр Хино Тосимицу в сопровождении некоего монаха, — писал император в 1314 году. — Последний выглядел, как отшельник, но был известен, как человек сведущий, имевший опыт *сатори*, а потому и был приглашён. Наш разговор продлился всю ночь. Его понимание дзэн выходит далеко за рамки обычного. И это удивительно! Подобного человека можно назвать «драконом среди людей». Он внушает доверие к себе и уважение» (Цит. по: Covell J. C., Yamada Sobin, 1974. Zen at Daitoku-ji. P. 27).

О невероятной силе духа дзэнского наставника свидетельствует рассказ о последних минутах его земной жизни. 22 декабря 1337 года, уже предчувствуя свой скорый уход, Дайто-кокуси попытался сесть в медитативную позу и, обращаясь к своей больной ноге (он был хром), будто бы сказал: «Я всю жизнь следовал за тобой, но пришло время и тебе подчиниться мне». Поза лотоса не давалась ему, и тогда он сломал кость, так что кровь промочила его одежды... Монах встретил смерть в безупречной позе для медитации — с прямой спиной и скрещенными ногами, сложив при этом, согласно традиции, своё последнее, предсмертное стихотворение:

*Отбросив Будд и патриархов,
Всегда держи наготове острый, как бритва, меч¹ (дзэнской практики).
При повороте колеса жизни
Доносится скрежет зубов Бесконечной Пустоты ...*

Этот поразительный документ воспринимается как духовное послание, сделанное с последним, почти нечеловеческим усилием. Он и по сей день бережно хранится в монастыре Дайтокудзи, являя собой свидетельство невероятной силы духа просветлённого мастера, самообладания, бесстрашия перед лицом смерти, воли, превосходящей границы обычного человеческого понимания...

Преемник Ханадзоно император Го-Дайго, тоже плененный величием духа дзэнского Учителя, принял, как известно, большое участие в строительстве монастыря и сделал Дайтокудзи своим придворным храмом.

Гэссю Соко (1618–1696) известен как мастер медитации, возродивший традиции дзэнской школы Сото в период Эдо. Известно, что первое в своей жизни *сатори* он пережил во время медитации над понятием *му-син* («не-ум»): «Является ли человеческая душа так же «пуста», как дерево или скала?» Однажды ему попала на глаза фраза: «Когда вы достигаете состояния *му-син* («не-ум»), вы способны постичь свою собственную природу». Озарение, пережитое им, он описывает в следующих словах: «Сидя возле своего дома, я был погружён в размышление, как внезапно потерял представление о Времени. Внезапный порыв ветра распахнул наружную дверь дома, а затем с шумом захлопнул... Все мои прежние сомнения были отринуты. Это было похоже на внезапное пробуждение от сна или на воспоминание чего-то

¹ Аллюзия на легендарный клинок, способный своим острым, как бритва, лезвием разрубить тонкий волос развеваемый на ветру, — метафора ясности просветлённого ума.

забытого. Я начал танцевать, чего не делал никогда прежде, и нет слов, чтобы передать мой восторг». (Addiss, 1989. P. 66)

Будучи настоятелем монастыря Тёэн-дзи (преф. Аити), он хорошо осознавал всю сложность возложенной на него задачи: возродить былую мощь и авторитет дзэнской школы Сото в стране со всё более возрастающим прагматизмом и материализмом эпохи Эдо. Более того, сёгунат в его время всё чаще вмешивался в дела буддизма. Храмы становились частью бюрократической системы токугавского правительства: они служили своего рода бюро по переписи населения, ибо японцев обязывали регистрироваться в храмах по месту жительства. Кроме того, монахам было разрешено жениться, а значит, должность могла перейти к ним по наследству, не будучи заслуженной ими. В конечном счёте, это превращало религиозный культ в профессию и уже не было призванием.

Собственным примером — жизнью подвижника, глубиной собственного учения он заслужил право быть истинным Учителем. Ученики его говорили, что он «столь же сострадателен, как весенняя благодать, и столь же благороден, как осенняя изморозь» (цит. по: Addiss S., 1989. P. 67). Один из его последователей Тэкисуй, писал, что Гэссю «обычно не снимал монашескую робу даже в жару, способную расплавить золото, и не надевал дополнительную одежду в мороз, при котором появляются трещины в клею». Примером его каллиграфии, отличающейся спонтанностью, внутренней силой и артистизмом, является *итидзикан* (т.е. один, крупно написанный иероглиф) «Луна». Более того, иероглиф со значением *Луна* входит составной частью в его имя — Гэссю.

Последние годы Гэссю провёл в монастыре Дзэндзё-дзи недалеко от Удзи. Его предсмертные стихи — финальные раздумья о смысле жизни... (рис. 1, 4).

*Вдыхая и выдыхая, двигаясь туда и сюда,
живя, умирая, приходя, уходя —
подобно двум стрелам, встретившимся в полёте посреди Пустоты...
Это путь, ведущий напрямик в мой истинный дом.*

Покидающие этот мир дзэнские наставники, думается, хорошо осознавали меру своей ответственности при написании *юигэ*, ибо оставляли своим последователям и ученикам своего рода духовное завещание. Знали они и о том, что их посмертные стихи, оформленные позднее как свиток, будут, согласно обычаю, вывешиваться вместе с портретом в алтаре Лекционного зала монастыря, где им и предстоит находиться в течение 49 дней траура. (Brinker H., Hiroshi Kanazawa, 1996. P. 108) Для адептов дзэн они представляют собой определённую духовную связь с Учителем, способом общения с пробуждённым сознанием мастера. При этом само общение не зависит от времени и места, оно может происходить «всегда и везде», а потому имеет измерение вечности. С глубокой древности на Востоке с величайшим уважением и трепетом относились к начертаниям кисти, к написанному слову, которое «и есть сам человек» (Tanchu Terayama, 2005. P. 7), зеркальное отражение его духа. Одна только линия, один-единственный штрих способен передать духовный потенциал мастера. В неизмеримо большей степени это относится к *юигэ*, предсмертным строкам, обнажающим саму суть человека.

Мы не можем сомневаться в глубочайшей искренности, прямоте, предельной честности написанных строк, ибо перед самым лицом смерти, за миг до неё нет и не может быть никакой игры, фальши, желания «казаться». В них не осталось ничего от «личности», от эго — мы видим лишь обнажённую сущность просветлённого мастера. А потому верим этим посланиям, напутствиям или наставлениям, несущим особую энергетическую нагрузку, адекватную напряжённости, пронзительной искренности самого момента. И то, что стихи эти созданы уже освобождённой душой — освобождённой от всех земных привязанностей и страхов, придаёт им особую ценность и значимость в наших глазах.

Список литературы

Addiss S. The Art of Zen. New York: Harry N. Abrams Publishers, 1989. 223 с.

Brinker H., Hiroshi Kanazawa. Zen: masters of meditation in images and writings. Honolulu: University of Hawaii press. Artibus Asian Publishers, 1996. 384 с.

Covell J. C., Yamada Sobin. Zen at Daitoku-ji. Tokyo; New York; San Francisco: Kodansha International, 1974. 203 с.

Hoffmann Yoel. Japanese death poems. Rutland, Vermont, Charles E. Tuttle Publishing. 1986. 366 с.

Tanchu Terayama. Zen Brushwork. Focusing the Mind with Calligraphy and Painting. Tr. by Thomas F. Judge, John Stevens. Tokyo, New York, London: Kodansha International, 2005. 96 с.

Дзэн. Тайё. [禪。太陽。] № 31. Токио: Хэйбонся, 1980. С. 31–32) (на яп. яз.)